

Е. В. Падучева

БЫТИЕ И ВОСПРИЯТИЕ В СЕМАНТИКЕ ГЕНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ ОТРИЦАНИЯ*

1. Локативное и бытийное значение глагола *быть*

Джон Лайонз, сопоставляя предложение (1а), ЛОКАТИВНОЕ, и (1б), БЫТИЙНОЕ, пишет, что они «мало чем отличаются друг от друга по значению» (Lyons 1968/1978: 413):

- (1) а. Coffee will be here in a moment ‘Кофе будет здесь через минуту’;
б. There will be coffee here in a moment ‘Через минуту здесь будет кофе’.

Для русского языка проблема различения бытийных и локативных предложений оказывается, однако, весьма острой, поскольку считается, что бытийность связана со свойственной русскому языку генитивной конструкцией отрицания, которая законна только при бытийном значении *быть*:

- (2) а. Здесь есть волки; б. Волков здесь нет;
а. У них возникли затруднения; б. Затруднений у них не возникло.

Однако для предложения (3а), бытийного, отрицанием будет (3б), с генитивом субъекта:

- (3) а. Петья дома; б. Пети нет дома [локативное предложение].

Генитив отрицания связывает с бытийностью Н.Д.Арутюнова (1976: 214-215), а также и Л.Бэбби: “it is only the subject of existential sentences that is regularly marked genitive when negation is introduced” (Babby 1980: 101). Ссылаясь на Н.Д.Арутюнову, Л.Бэбби говорит, что если для бытийного *быть* генитивное маркирование с семантической точки зрения законно, то для локативного оно является следствием «автоматического синтаксического правила» (Babby 1980: 124). Развивая в целом семантический подход к генитиву отрицания, Бэбби считает генитивную конструкцию отрицания в контексте локативного *быть* исключением.

Я имею в виду показать, что генитивная конструкция отрицания в локативном предложении, типа *Пети нет дома*, тоже семантически обоснована; т.е. показать, что **генитив отрицания свойствен не только бытийным предложениям.**

Дальше в разделах 2 и 3 рассматриваются формальные различия между бытийным и локативным предложением (вне связи с отрицанием). Раздел 4 посвящен общей семантике бытийности; раздел 5 – контекстным семантическим различиям между бытийным и локативным предложением. После этого в разделе 6 я возвращаюсь к проблеме связи генитивной конструкции отрицания с бытийностью и с другими семантическими компонентами, порождающими эту конструкцию. Раздел 7 касается пограничных случаев.

2. Формальные признаки бытийного предложения

Исходим из того, что в бытийных и локативных предложениях одни и те же участники (актанты) – Вещь и Место (эти удачные названия – из Борщев, Парти 2002).

1) Морфология. У бытийного предложения форма наст. времени – *есть*. У локативного – нулевая:

- (1) а. Табуретка *есть* на кухне [бытийное предложение];
б. Твой мобильник (**есть*) на кухне [локативное предложение].

2) Референция именной группы Вещь. В локативном предложении в роли Вещи возможна (и чаще всего бывает) конкретно-референтная ИГ, определенная; в частности, имя собственное; в бытийном предложении ИГ Вещь только неопределенная или нереферентная (Арутюнова 1976; Babby 1980: 67, 144, Chvany 1975: 48):

- (2) а. Коля был в Лондоне [локативное].
б. В магазине, несмотря на ранний час, были *покупатели* [бытийное].

Если формой наст. времени служит *есть*, то ИГ Вещь интерпретируется как неопределенная, даже если по структуре она могла бы соответствовать уникальному объекту:

---

* Работа получила финансовую поддержку NSF, Grant No. BCS-0418311 to V.Borschev and B.Partee for the project, “The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics”, 2004-07.

(3) а. В Переделкино есть *музей Пастернака*; б. *Музей Пастернака* есть в Переделкино.

Примеры, которые якобы нарушают это ограничение на статус ИГ Вещь, мы рассмотрим позднее (и покажем, что они только *якобы* нарушают).

От собственно бытийных предложений следует отличать ИНТРОДУКТИВНЫЕ БЫТИЙНЫЕ (Арутюнова 1976: 221-223); в них Вещь может быть конкретно-референтной:

(4) Есть за границей *контора Кука*. (Маяковский)

3) Таксономия именной группы Место. В принципе, Местом для бытийного предложения может быть любая ИГ, которая задает участок пространства:

(5) *В моей комнате* есть кондиционер; *В зале* есть иностранцы.

Особый подкласс – предложения СУЩЕСТВОВАНИЯ; ими задаются пресуппозиции существования. У *быть* в значении существования Место – это всегда Мир в целом:

(6) Есть реки, которые летом пересыхают [подразумевается – ‘в Мире есть такие реки’].

И наоборот, Мир, не может быть Местом для локативного предложения. Так что если Местом является Мир, то предложение допускает только бытийное понимание. Во всяком случае, обстоятельство *в мире* не сочетается со словом *находиться* (цит. по НКРЯ):

(7) Известно, что по неиспытанным для нас судьбам Божиим, разные *в мире* *находятся* веры, и всякой народ к вере естественную имеет привязанность. [Платон (Левшин), архиепископ Московский и Калужский. Слово при действии святого миропомазания (1773)]; Сверх запасов, зафиксированных ЛБМ и МИА (Лондон), *в мире* *находится* более 4 млн тонн алюминия, которые в основном нигде не зафиксированы. ["Металлы Евразии", 2004]

Коммуникативную структуру нельзя отнести к числу конституирующих признаков бытийного предложения – она может варьироваться (см. коммуникативную парадигму бытийного предложения в Падучева 1985: 130-131; NB. Переход от утвердительного предложения к отрицательному часто меняет TR-структуру). Например, Место может быть и темой и ремой, см. пример (3), а также (9):

(9) а. На веранде / есть *кресло* \ ; б. *Кресло* / на веранде есть \ .

Итак, мы остаемся при трех формальных признаках, различающих бытийное и локативное предложение. И каждый имеет лишь ограниченную различительную силу: морфология – только для наст. времени; ограничение на референциальный статус Вещи (в бытийном предложении только неопределенный или нереферентный) снимается при интродуктивном употреблении, см. также оговорки в разделах 4 и 5; ограничение на таксономию участника Место действует только в случае собственно экзистенциальной разновидности бытийного предложения. Поэтому остается какой-то класс предложений с неоднозначной атрибуцией, см. раздел 7.

Упомянем еще одно отличие локативного предложения от бытийного – обязательность участника Место (Babby 1980: 100). Предложения, в которых невозможен участник Место, могут быть бытийными, но не могут быть локативными.

Для дальнейшего существенны следующие аксиомы отношения локализации.

Аксиома 1. Всякий материальный объект должен где-то находиться. Точнее, находиться в каком-то физическом же пространстве.

Аксиома 2. Есть материальные объекты, которые могут занимать только одно место в физическом пространстве (например, города, дома).

Аксиома 3. Есть сущности, которые не имеют локализации в пространстве (например, сомнения, желания, идеи).

3. Посессивные предложения с глаголом *быть* как разновидность бытийных

Поскольку отношение принадлежности не имеет локализации в пространстве, в посессивных предложениях нет участника Место. Есть Посессор:

(1) а. У *царя Мидаса* ослиные уши; б. У *Маши* есть брат; в. В нем есть какое-то обаяние.

Предложение с обстоятельством места локативное, а не посессивное:

(2) *Где* у тебя документы? (пример из Арутюнова 1976: 285)

(3) Ваш пропуск у *вахтера*.

Посессивные предложения составляют подкласс бытийных. В посессивных предложениях нулевая форма глагола *быть* возможна, но она выражает не локативность, а нечто иное – например, (не)отчуждаемую принадлежность (Арутюнова 1976: 274-283).

4. Что такое бытийное значение?

Обычно считается, что различие между локативным и бытийным предложением в том, что в локативном существование Вещи входит в пресуппозицию, а бытийное предложение утверждает существование Вещи в данном Месте. Исходя из этого, Вещь в бытийном предложении должна быть неопределенной или нереферентной.

Однако это так для случая, когда речь идет о существовании **в мире**. Если же речь идет о конкретном **месте** (как в (5) из раздела 2), то различие между существованием в этом месте и местонахождением в нем же может оставаться на смысловом уровне неясным, см. примеры (1), (2) из раздела 7.

Есть предложения с глаголом существования и конкретно-референтным субъектом, которые нормально функционируют в речи, не теряя презумпции существования и единственности – вопреки ограничению на референтность Вещи в бытийном контексте:

- (1) В XIV веке *Перемышль* уже существовал;
- (2) *Его* больше нет на свете (на этот пример обратил мое внимание Я.Г.Тестелец);
- (3) *Дома, в котором я родился*, больше нет.

В этих примерах в рассмотрение входят два Мира (т.е. два временных среза Мира), и существование в одном противопоставлено (возможному) несуществованию в другом (Падучева 1997: 111).

В (4) *Эверест* значит ‘такая <замечательная> гора, как Эверест’; т.е. имя собственное понимается как ИГ не только неопределенная, но даже нереферентная:

- (4) Жизнь имеет смысл, пока существует *Эверест*. (Ю.Д.Апресян, personal communication)

5. Контекстная противопоставленность бытийного и локативного значения

Итак, общее значение бытийности эфемерно. В частных контекстах оппозиция бытийной конструкции, с формой *есть* в наст. времени, и локативной, с нулевой формой, может приобретать более определенный смысл. Вот несколько таких контекстов (многие примеры ниже – из Арутюнова, Ширяев 1983).

• В примере (1) в локативном предложении (1а) возникает, при определенной TR-структуре, интерпретация ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ (Sgall, Hajičová 1977, Падучева 1985:118), а в бытийном (1б) – нет:

- (1) а. В комнате книжный шкаф и письменный стол [больше ничего нет; локативное значение];
б. В комнате *есть* книжный шкаф и письменный стол.

В контексте предложения (5), где ИГ Место связана квантором всеобщности, локативная и бытийная конструкция противопоставлены так же, как в (1). Предложение (5а) понимается с естественной гиперболизацией, как ‘всюду одни жулики’; а (5б) – в «обычном» экзистенциальном и более утешительном значении – ‘есть среди прочего’; см. также (6):

- (5) а. Всюду жулики; б. Всюду *есть* жулики.

• Предложение (7а) локативное; но семантически сближается с бытийным (7б):

- (7) а. В этом дворе *сторожевая собака*.
б. В этом дворе *есть сторожевая собака*.

Предложение (7б) имеет значение НАЛИЧИЯ (более эксплицитно его выражает глагол *иметься*, Падучева 2004: 433–436; NB Clancy 2000 о связи между ‘быть’ и ‘иметь’). Значение наличия в (7б) обусловлено тем, что ИГ Вещь включает семантику ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ, функции: она предполагает какое-то использование.

• Предложение (10) использует локативную конструкцию. Однако интерпретации исчерпывающего перечисления в нем не возникает – оно ИНТРОДУКТИВНОЕ локативное:

- (10) В огороде *свинья*. <Надо ее водворить на место>

Предложение (10') не аномальное, но требует такого контекста ситуации, когда свинья в огороде для чего-то полезна; возникает значение наличия:

(10') В огороде есть *свинья*.

• Предложение (12а) по смыслу бытийное; однако форма может быть только нулевая, см. (12б). Дело в том, что тут ИГ Вещь включает показатель количества:

(12) а. В этой реке *масса /много /множество рыбы*;

б. В этой реке **есть масса /много /множество рыбы*;

в. В этой реке *есть рыба*.

Можно думать, что в бытийном предложении в контексте количественной группы синтаксически **обязательна** замена *есть* на нуль. В самом деле, разница между (12б) и (12в) только в наличии количественного показателя в составе ИГ Вещь. С этим уточнением форма *есть* оказывается надежным показателем бытийного значения.

• В (16), где Вещь не предметная, возможна только локативная структура:

(16) а. В квартире (*есть) беспорядок; б. В зале собрание; в. В клубе танцы.

Или при непредметной ИГ бытийным глаголом должен быть не *быть*, а какой-то другой: *происходить, иметь место* и под. Однако: *Посмотри, есть дождь?*

6. Бытийность и генитивная конструкция отрицания

Теперь о роли бытийности при выборе между генитивной и номинативной конструкцией отрицания. Употребление генитива в контексте локативного *быть* не может быть сведено ни к какому синтаксическому правилу¹, а имеет прямую семантическую основу. Дело в том, что бытийность не является **единственным** семантическим источником генитивного субъекта. Генитивная конструкция может выражать не только отрицание существования, как в (1а), но и, например, отрицание восприятия, как в (1б):

(1) а. Нарушений *не было*; б. Нарушений *не зафиксировано*.

Известно до десятка классов ГЕНИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ (т.е. глаголов, которые **могут** иметь при отрицании генитивный субъект); это глаголы БЫТИЯ, НАЛИЧИЯ, ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПОЯВЛЕНИЯ, ПРОЯВЛЕНИЯ, ИСЧЕЗНОВЕНИЯ, ОБНАРУЖЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ (и другие: во всех перечнях остается остаток – глаголы, не вошедшие ни в один класс), см. Babby 1980: 128-129, со ссылками на Габучана, Гвоздева, Янко-Триницкую, Адамца и др. Глаголы бытия и наличия (равно как и пассивы от глаголов создания; так, *опубликоваться* <для строчки> = 'начать существовать') бытийные, а все остальные, т.е. глаголы появления, проявления, исчезновения, обнаружения, выявления, – это глаголы с компонентом «восприятие». Разумеется, глаголы ВОСПРИЯТИЯ (*доноситься, слышаться, наблюдаться, отмечаться, регистрироваться, фиксироваться, оказаться, обнаружиться, сниться, найтись*) и сами по себе лицензируют генитивную конструкцию (см. об этом, в частности, в Ицкович 1982: 54).

Отсутствие в зоне восприятия, наряду с несуществованием, входит в число КОМПОНЕНТОВ в семантическом разложении глагола, создающих семантическую базу для генитивной конструкции отрицания (Падучева 1997).² Компоненты «несуществование» и «отсутствие в зоне восприятия»³ могут входить в семантической структуре глагола в состав разного рода конфигураций. Так, *X-а не возникло* = 'X не начал быть'; *X-а не требуется* = 'не необходимо, чтобы X был'; но *X-а не наблюдается, не чувствуется* = 'X не находится в зоне восприятия'; *X-а не попало, не встретилось* = 'X не вошел в зону восприятия'. Так что однозначная связь генитивной конструкции с бытийностью есть чистое недоразумение. Бытие и восприятие имеют равные права на ГК. Существенно, что

¹ Как это мыслится в Babby 1980: 124, в Апресян 1985 и, в более мягкой форме, в Апресян 2005.

² Как сказано в Levin & Rapoport Novay 2005: 16, сейчас имеется все больше свидетельств в пользу того, что "it is the elements of meaning that define verb classes that are most important, and the verb classes themselves are epiphenomenal <...> – even if they might be useful in statements of certain generalizations".

³ Не исключены и другие компоненты. Так, *у ожидать (Маши в Москве не ожидается)* генитивность, возможно, идет от *ожидать* – интенционального глагола, который управляет генитивом.

эти два семантических компонента связаны друг с другом отношением семантической деривации, ср. альтернацию этих двух компонентов в семантике глаголов *появиться, исчезнуть, оказаться* и др.

Глагол *появиться* имеет, в разных контекстах, то один, то другой компонент; так, *не появилось нужного препарата* = 'препарат не начал быть'; *не появилось домов на горизонте* = 'дома не начали быть в зоне восприятия'. Вообще, важен не класс глагола, а компонент восприятия в составе его значения в данном контексте. Так, глагол движения становится генитивным, если это появление в поле зрения наблюдателя:

(2) *Ни одной подлодки не всплыло* = 'не вошло в зону восприятия'. (пример из Babby 1980)

(2') а. У меня отказали голосовые связки. Пробовал кликнуть жену – *ни один звук* не вырвался из гортани; <б. *ни одного звука* не вырвалось из его гортани>. (пример из Babby 1980: 61)

В (2а) взгляд изнутри, в (2б) – со стороны внешнего Наблюдателя.

Вернемся теперь к глаголу *быть*. В Падучева 1992 семантическое различие между генитивной конструкцией в (3а) и номинативной в (3б) было объяснено с обращением к фигуре НАБЛЮДАТЕЛЯ. Фраза (3а) уместна в устах человека, который находится (или имеет своего представителя) в школе. А (3б) не фиксирует местоположения говорящего:

(3) а. Вани нет в школе (или: Коли нет в Лондоне);

б. Ваня не в школе (или: Коля не в Лондоне).

В Апресян 1986, где Наблюдатель представлен как субъект (вторичного) дейксиса, т.е. как заместитель говорящего. Наблюдатель в этом смысле проявляет себя в ограничениях на замену 3-го лица на 1-е и во взаимодействии с режимом интерпретации (о режимах интерпретации – речевом, нарративном, гипотаксическом – см. Падучева 1998). Один из примеров Ю.Д.Апресяна позволяет выстроить следующую триаду:

(4) а. На дороге показался всадник;

б. *На дороге показался я;

в. Он говорит, что именно в этот момент на дороге показался я.

Предложение (4а), с 3-м лицом субъекта, нормально; при замене 3 лица на 1-е одно и то же лицо оказывается субъектом и объектом наблюдения – возникает аномалия; в гипотаксическом контексте 1 лицо уже не субъект наблюдения, и аномалия пропадает.

Аналогичная триада выстраивается для предложения с генитивной конструкцией отрицания:

(5) а. Вани нет дома;

б. *Меня нет дома;

в. Ему сказали, что меня нет дома.

Предложение (5а), как и (4а), **дейктично**.⁴ Если говорящий не находится (и не мыслит себя) в Месте, то будет употреблена номинативная конструкция, лишенная дейктичности:

(6) Я, к счастью, не был в Грозном, когда там началась эпидемия холеры⁵.

Вместо *я* можно сказать *ты, он, Иван Иванович* – кто угодно.

Ср. неуместность генитива в примере (7) (контекст: женщина стоит в очереди в сбербанк; у нее звонит мобильник; она отвечает клиенту, объясняя, почему она в этот момент не может дать ему нужной справки):

(7) *Меня нет в офисе.

Именно этот смысл – присутствие в ситуации Наблюдателя – вносит в семантику предложения (3а) генитивная конструкция отрицания:

(3а) Вани нет в школе ≈ 'неверно, что Ваня в школе, И я это свидетельствую, будучи в школе или имея там своего представителя'.

(3б) Ваня не в школе = 'неверно, что Ваня в школе'.

⁴ Есть много других примеров, доказывающих дейктичность генитивной конструкции: **Меня нигде не было*; **Меня давно не было дома*.

⁵ Примерами этого рода я обязана В.Б.Борщеву.

Еще пример, который служит аргументом в пользу присутствия Наблюдателя в локативном предложении с генитивным субъектом (ср. Partee, Borschev 2002):

(8) а. Вани нигде нет; б. ?Ваня нигде.

В анализе примера (8) мы опираемся на Аксиому 1 из раздела 2. Предложение (8а) понимается по аналогии с (3а):

(8а) Вани нигде нет ≈ 'Вани нет ни в одном из мест, где я его пытался найти'.

Что же касается предложения (8б), то, исходя из его формы, оно должно было бы иметь смысл (9), но этот смысл противоречит Аксиоме 1. Отсюда аномалия:

(9) 'не существует такого места, что Ваня находится в этом месте'.

Пример (10) (из Падучева 1985: 107) апеллирует к Аксиоме 2. На ее основе можно объяснить, почему (10б) вполне соответствует норме, а (10а) аномально:

(10) а. ?Тегусигальпы нет в Никарагуа; б. Тегусигальпа не в Никарагуа.

Точнее, фраза (10а) не аномальна, а не имеет прямого смысла. Она может обрести смысл, например, в ситуации поиска Тегусигальпы на карте – тогда возникнет то же *найти*, что в толковании предложения (8а).

Итак, не может быть никакого синтаксического правила употребления генитива субъекта, поскольку, с одной стороны, есть контексты, где она по смыслу не нужна (т.е. синтаксически она не обязательна), например, (б), а с другой стороны – контексты, где она неуместна, например, (7).

7. Местонахождение и существование как семантические компоненты полнозначных глаголов

А.Тимберлейк, обсуждая проблему генитивного субъекта, говорит о «существовании в поле зрения наблюдателя» – хотя, казалось бы, в поле зрения наблюдателя предмет не **существует**, а **находится**:

“With perceptuals, existence is determined relative to the field of perception of the observer”
(Timberlake 2004: 303-304).

Пример неясной границы между несуществованием и отсутствием:

(3) а. <Я пошел в киоск за газетами.> *Газеты* не поступили. (пример из Борщев, Парти 2002)
б. <Я пошел в киоск за газетами.> *Газет* не поступило.

Возможны следующие варианты трактовки падежа в примере (3).

Вариант 1: локативная трактовка и для (3а) и для (3б). Перефразировка для *не поступили* = 'не начали находиться (в результате перемещения)'. В таком случае, номинатив в (3а) не требует объяснений; он сохраняет – а может быть и педалирует – компонент «перемещение» в семантике глагола. А генитив в (3б) выражает только партитивность: *газет не поступило* = 'газеты не начали находиться в киоске ни в каком количестве'.

Вариант 2: для (3а) трактовка по-прежнему локативная; а для (3б) бытийная – генитив выражает отрицание наличия: *газет не поступило* = 'газеты не начали иметься, быть в распоряжении'.

В любом случае, присутствие Наблюдателя в семантике предложения (3б) не выражено – генитив может трактоваться либо как партитивный, либо как бытийный. То ли газеты просто не начали находиться в киоске ни в каком количестве: локативная пропозиция + партитив, то ли газеты не начали быть в наличии: бытийная пропозиция + генитив отрицания.

Литература

- Апресян 1985 – *Апресян Ю. Д.* Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*. Vol. 9. No. 2–3. 1985. С. 289–317.
Апресян 1986 – *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
Апресян 2005 – *Апресян Ю. Д.* О московской семантической школе. – *ВЯ* 2005, № 1, 3-30.

- Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова, Ширяев 1983 – *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение: Бытийный тип. М.: Рус. яз., 1983.
- Борщев, Парти 1998 – *Борщев В.Б., Парти Б.Х.* Бытийные предложения и отрицание в русском языке: семантика и коммуникативная структура В сб. «Диалог 98: Компьютерная лингвистика и ее применения» под. ред. А.С. Нариньяни. Казань, Хетер, 173-182.
- Борщев, Парти 2002 – *Борщев В. Б., Парти Б. Х.* О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002. С. 59-77.
- Ицкович 1982 – *Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982.
- Падучева 1985 – *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1992 – *Падучева Е. В.* О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ. // *Russian linguistics*, v. 16, 53-63.
- Падучева 1997 – *Падучева Е. В.* Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопросы языкознания*, 1997, N2, 101–116.
- Падучева 2004 – *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Borschev, Partee 2002 – Borschev V.B., Partee B.H. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? *Journal of Slavic Linguistics* 2002, v. 10, 105-144.
- Borschev, Partee 2004 – Borschev V., Partee B H. The Russian genitive of negation: Theme-rheme structure or perspective structure? *Journal of Slavic Linguistics* v.10, No.1-2, 2002, 105-145.
- Babby L. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor: Caroma publishers, 1980.
- Chvany 1975 – *Chvany C. V.* On the Syntax of BE-Sentences in Russian. Cambridge, Mass.: Slavica Publishers, 1975.
- Grishakova 2002 – *Grishakova M.* Towards the semiotics of the observer. // *Sign systems studies*, v.30.2, 2002.
- Levin & Rappaport Hovav 2005 – Levin B. , Rappaport Hovav M. Argument realization. Cambridge University press 2005.
- Lyons 1968/1978 – *Lyons J.* Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968. Рус. пер.: *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику М.: Прогресс, 1978.
- Partee, Borschev 2002 – *Partee B.H., Borschev V.B.* Genitive of Negation and Scope of Negation in Russian Existential Sentences. Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10), ed. Jindrich Toman, 181-200. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2002.
- Partee, Borschev 2007 – *Partee B.H., Borschev V.B.* Existential sentences, *be*, and the Genitive of Negation in Russian. In *Existence: Semantics and Syntax*, Ileana Comorovski and Klaus von Heusinger, eds., Dordrecht: Kluwer/Springer (in press).
- Sgall, Hajičova 1977 – *Sgall P., Hajičova E.* Focus on focus. I. – Prague bull. math. linguistics, v. 28, 5-54, 1977.
- Timberlake 2004 – *Timberlake A.* A reference grammar of Russian. Cambridge. Cambridge UP, 2004.